

К. Салве (Тарту)

СКАЗОЧНЫЕ СЖЕТЫ ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКО-БАЛТСКОГО
РАСПРОСТРАНЕНИЯ

Отражение длительных контактов между балтийскими и прибалтийско-финскими народами изучено фольклористами значительно слабее, нежели лингвистами, археологами и этнографами. Особенно это относится к исследованию взаимопроникновения сказочных сюжетов. Сказки — интернациональный жанр, где этническое своеобразие проявляется не столь ярко, как в народных песнях.

Твердую основу исследованию сказок разных народов создает сравнение сказочных сюжетов. К сожалению, только у латышей в настоящее время имеется каталог, отражающий современное состояние соответствующего архивного материала и уровня проведенной научно-исследовательской работы. Финский, эстонский и литовский каталоги отражают далеко не весь материал и устарели; недостаточно полон имеющийся обзор сказок небольших прибалтийско-финских народов (за исключением ливов). Все же каталоги и научные издания сказок позволяют сделать некоторые выводы, не претендующие на исчерпывающую.

Большей частью подобие сюжетных составов сказок балтийских и прибалтийско-финских народов базируется на широко распространенных типах, среди которых можно еще выделить общеευропейские, западноевропейские и восточноевропейские типы. Среди них имеется значительное количество сюжетов, которые известны только у балтийских и прибалтийско-финских народов. Часть этих сюжетов бытует по крайней мере у большинства названных народов, причем ареал их распространения охватывает на севере финнов и карелов, а на юге — литовцев. К таким типам относятся АТ 130С, 150А, 403С, 451А, 530В*, 572* и др. Распространение других типов более прерывисто. Так, очевидно, АТ 412В* и 452С* распространены только у ли-

товцев и эстонцев, АТ 1559А* — у литовцев, эстонцев и вепсов. АТ 832 зарегистрирован только у финнов, эстонцев, ливов и латышей. Довольно многочисленна группа общих эстонско-латышских сюжетов: АТ 65*, 156В*, 122*, 796*, 843*. В Эстонии встречается еще ряд сказок о животных, которые включены в каталог АТ на основании каталога А. Медне. Это в основном сказки, которые, по мнению рассказчиков, имеют реальную основу, каков, например, ряд сказок о волке (АТ 166А*, 166В*1, 166В*2, 166В*3, 169А*, 169В* и т. д.). Можно предположить, что они распространены и более широко, но не зафиксированы как сказки. Эстонские параллели имеются и у ряда типов, впервые зафиксированных в каталоге Арайса-Медне, например *282D*, *813***, *854А, *913* и т. д.

Наиболее интересный материал для изучения культурных контактов представляют те типы, которые известны по крайней мере у большинства балтийских и прибалтийско-финских народов. Можно предположить, что эти сказки переданы из репертуара одной языковой группы в другую в далеком прошлом. На это указывает архаичное содержание некоторых аналогичных сказок (403С, 451А и др.), а также то, что общие для прибалтийско-финских и балтийских народов сказки имеют подчас ярко выраженные национальные версии. В эстонском репертуаре общие прибалтийско-финские типы сказок выделяются частым использованием песенных вставок. По сравнению с другими регионами Эстонии прибалтийско-финские типы, но особенно архаичные волшебные сказки, богаче всего представлены в репертуаре этнической группы сету. Названные сказки были популярны и среди эстонского населения окрестностей Лудзы, что вовсе не всегда объясняется латышским влиянием: АТ 530В в латышском репертуаре представлен одним вариантом из окрестностей Тукумса, АТ 452С отсутствует у латышей вообще, но у эстонцев в окрестностях Лудзы оба типа были хорошо известны. Очевидно, причиной сохранения архаичных волшебных сказок здесь является часто отмечаемая консервативность в народном творчестве периферийных регионов.

Типы сказок, известные только у эстонцев и латышей, могли перейти от одного народа к другому в результате более позднего общения. Особенно это можно предположить в отношении сказок дидактического характера, которые наряду со сказками о животных занимают существенное место в общем репертуаре латышей и эстонцев. Вероятно, с эстонским субстратом мы имеем дело при АТ 37*: латышские варианты происходят из окрестности Лудзы, но у тамошних эстонцев эти сказки были популярны до последнего времени.

В дальнейшем в ходе сотрудничества фольклористов следует уточнить контингент сказок, общих для балтийских и прибалтийско-финских народов, и ареал распространения отдельных типов. Более детально следовало бы изучить и те типы сказок, которые кроме балтийских и прибалтийско-финских народов известны еще только у отдельных финно-угорских народов или у восточных славян. Эти сказки не всегда имеют восточнославянское происхождение и заимствованы при посредничестве других народов. По крайней мере часть таких сказок может быть связана у восточных славян с балтийским или финно-угорским (в том числе с прибалтийско-финским) субстратом.

А. Федосик (Минск)

ОБЩНОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ МОТИВОВ И ОБРАЗОВ В ЛАТЫШСКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ НАРОДНОЙ САТИРЕ

Всестороннее экономическое и культурное общение белорусского и латышского народов обусловило развитие многообразных взаимосвязей в их устном поэтическом творчестве. Многие народные латышские произведения, сюжеты, мотивы из собраний, изданных Кр. Бароном (1835-1923), А. Лерхом Пушкайтисом (1859-1903) и другими фольклористами, близки или подобны соответствующим белорусским устно-поэтическим произведени-

ям, изданным Е. Романовым, П. Шейном, М. Федоровским, С. Сахаровым и др. Особенно отчетливо общность сюжетов и мотивов проявилась в сатирико-эмористических произведениях социальной направленности.

Во многих фольклорных произведениях латышского и белорусского народов беспощадно высмеиваются помещики и богачи. В сказках и анекдотах народ ставит их в комическое положение, обличает паразитизм, скупость, жадность, жестокость, неприспособленность к жизни, глупость и т.п. В конфликтных ситуациях всегда побеждает бедняк-крестьянин. Например, в сказке сюжетного типа АА 1538 (мужик мстит помещику) как латышский, так и белорусский герой трижды избивают своего обидчика-барина в схожих ситуациях: под видом врача, купца и т.п. Национальное своеобразие выявляется в деталях, языке, изображении обстановки, в которой действуют персонажи, показе бытовых условий жизни крестьян и т.д.

Еще большее распространение получили в фольклоре обоих народов произведения, остро критикующие церковь и духовенство. Сатирические типы попа и ксендза, занимающие центральное место в антиклерикальной народной сатире, воплотили наиболее характерное в облике и поведении духовенства, т.е. того сословия, которое выступало в роли духовного пастыря народов. Призывая паству исполнять божьи заповеди, церковники сами никогда не были образцом для других. Народные произведения раскрывают истинное лицо пастырей: они жадны, лицемерны, жестоки, аморальны.

В противоположность типам церковных служителей, наделенных различными пороками, в белорусских и латышских сказках и анекдотах образы батраков и простых крестьян предстают остроумными и находчивыми, умными и ловкими.

Анализируя устно-поэтические произведения, следует учитывать, что они могут иметь много вариантов, относящихся к разным историческим эпохам, что не могло не отразиться на характере раскрытия образов. Каждая эпоха привносит также